

БОЛЬШЕВИЗМ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА

Анализируется оценка известным немецким философом истории, культурологом, идеологом «консервативной революции» Освальдом Шпенглером большевизма в контексте своей культурно-исторической концепции и истории России. Автор рассматривает эволюцию взглядов Шпенглера на русские происхождение и генезис большевизма. Делается вывод о том, что проблемы истории России и русского большевизма занимали важное место в культурно-исторической концепции Шпенглера, так как он отводил России одно из ключевых мест в мировой истории.

Ключевые слова: Освальд Шпенглер; большевизм; культурно-историческая концепция.

Для эпохи 1920–1930-х гг. большевистский эксперимент в России, несомненно, имел большое значение как в качестве некоего примера и образца, так и в виде политической и идеологической угрозы существующему порядку вещей. Феномен большевизма в центр дискуссий поставил вопрос о сущности и специфике русской истории. В межвоенный период появилось множество версий «русской истории», которые, и в этом была их главная особенность, отражали главным образом мировоззренческие и идеологические пристрастия их авторов. Осмысление русского Октября 1917 и большевизма являлось важным идейно-политическим маркером для интеллектуального дискурса на Западе в 1920–1930-х гг. Наличие различных концепций и взглядов на русскую революцию и большевизм в общественном мнении свидетельствовало о сложности и неоднозначности понимания этих феноменов, которые неодинаково воспринимались в русле различных интеллектуальных и политических традиций.

Оригинальный взгляд на большевизм, русскую революцию, а позднее и Советскую Россию был представлен в трудах идеологов немецкой «консервативной революции» периода Веймарской республики в Германии в 1919–1933 гг. Будучи порождением Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, «консервативная революция» стала идейным бунтом части правоконсервативных немецких интеллектуалов против итогов «Ноября», Версальского мира, Веймарской республики и в целом западной буржуазно-либеральной цивилизации [1–3]. Поэтому обращение к опыту большевистской революции в России «имело для представителей “консервативной революции” важный гносеологический и методологический аспект» [4. С. 20]. Осмысление причин и последствий русской революции способствовало уточнению собственных идейных воззрений и концепций «консервативных революционеров» в их борьбе против веймарской демократии.

В ряду идеологов «консервативной революции» Освальд Шпенглер (1880–1936) занимает особое место. Автор одной из самых известных и противоречивых культурно-исторических концепций в истории гуманитарной мысли XX столетия, Шпенглер как консерватор выступал за сохранение традиций, но его консерватизм был иного рода, чем традиционный германский консерватизм кайзеровской эпохи. Он утверждал, что старые традиции в его эпоху были уже в значительной мере утрачены и связь поколений

нарушена. Традиция уступила место индивидуализму классов, слоев, индивидуумов. Как и консерваторы XIX в., Шпенглер рассматривал общество как органическое целое, однако существенным отличием его представлений об обществе от традиционного консерватизма является отсутствие опоры на религию. Шпенглер являлся последователем Ницше, провозгласившим, что «Бог умер». Шпенглер отрицал влияние церкви на процесс формирования государственной политики. По его мнению, государство основывается на принципе «воли к власти» и не нуждается ни в какой божественной санкции.

Несмотря на то что Шпенглер основательно занимался русской историей и культурой [5–7], в отечественной гуманитарной мысли проблема «Шпенглер и Россия» затрагивалась лишь частично [8, 9]. Сколько бы дискусионными с точки зрения современной науки ни выглядели его утверждения о псевдоморфозе как о судьбе русской культуры и грядущей русско-сибирской культуре, понимание им российской истории никоим образом не ограничивается интуицией, откровением либо оригинальной идеей. Это понимание покоилось на внимательном исследовании, интенсивной исторической рефлексии, на попытке культурно-сравнительного сопоставления и не в последнюю очередь – на опыте личного знакомства с русскими эмигрантами. Будучи интеллектуалом, на формировании взглядов которого определенное влияние оказала русская литература (Толстой и Достоевский), Шпенглер в своей философии истории и политической публицистике уделял определенное внимание причинам и последствиям «русской большевистской революции» в контексте русской истории.

К тому же проблема определения и трактовки социализма являлась одной из основных в творчестве Шпенглера. В первом томе «Заката Европы» он попытался обосновать свое понимание этого духовного и политического феномена истории Запада XIX–XX вв. «Социализм есть ставшее иррелигиозным фаустовское жизнечувствование», – писал Шпенглер [10. С. 546]. Социализм в его понимании являлся неким этическим кодексом фаустовского человека эпохи цивилизации, еще не растерявшего свою жизненную активность. Он отверг экономическую трактовку социализма и наполнил понятие «социализм» этическим содержанием. Шпенглер делает вывод о близости принципов этического социализма с прусским духом, основными чертами которого были право на труд,

долг и воля к власти. Таким образом, уже в первом томе «Заката Европы» содержались основные компоненты шпенглеровской концепции «прусского социализма». Поэтому большевистский эксперимент в России привлек пристальное внимание Шпенглера.

К рассмотрению феномена русского большевизма Освальд Шпенглер впервые обратился в своем известном политическом эссе 1919 г. «Пруссачество и социализм», написанным между первым и вторым томами «Заката Европы» как отклик на Ноябрьскую революцию в Германии. В этом эссе он наметил многие основные идеи и мотивы формирующегося «консервативно-революционного» движения. Шпенглер начинает «Пруссачество и социализм» с утверждения о том, что необходимо «освободить немецкий социализм от Маркса, так иного не существует» [11. С. 9]. Говоря о социализме как о начальной стадии цивилизации фаустовского культурно-исторического типа, Шпенглер исходил из концептуально-теоретических построений философии истории «Заката Европы». Три народа фаустовской культуры в ходе развития своего исторического и политического бытия в полной мере воплотили идею социализма: немцы, англичане и испанцы.

Идейный и смысловой центр «Пруссачества и социализма» – трактовка Шпенглером противоположности Пруссии и Англии как максимума и минимума «сверхличной государственной социалистической идеи, государства и его отрицания» [Там же. С. 53–54]. Английский дух, исторический и политический опыт являются воплощением либерализма, прусский – дисциплины, солидарности и чувства долга. «Каждый за себя – это по-английски; все за всех – это по-пруски» [Там же. С. 56]. Противопоставляя прусский (немецкий) и английский дух, Шпенглер вводит в оборот свои знаменитые образы-символы тевтона (рыцаря-служителя ордена) и викинга (разбойника-добытчика). В книге, по мнению известного западно-германского исследователя творчества Шпенглера Д. Фелькена, была осуществлена поразительная интеллектуальная операция по освобождению прусского мифа от шлама реакционного балласта и его примирения с социализмом. Социалистически обновленная прусская идея понималась не как потерпевшая крах, а как незавершенное призвание германской нации и выступала идейным противовесом Веймарскому государству [7. С. 96]. Именно прусский социализм, а не социализм в марксистском его понимании. Маркс, по мнению Шпенглера, «распространил на всю историю картину промышленной Англии, воспринятую им и без того в весьма схематическом и сомнительном понимании» [11. С. 125].

Говоря о большевизме как феномене русской и мировой истории, О. Шпенглер утверждает, что он, как и в целом вся русская история и культура, чужды Западу. Русская культура, русский менталитет отрицают само понятие рациональности в ее западной форме. Большевизм, наряду с реформами Петра I, стал вторым крупным фактором русской истории, который был направлен на ее полное принятие чуждой ей фаустовской культуры. Но петровские реформы породили русскую интеллигенцию, которая в ко-

нечном итоге создала большевизм как крайнюю форму русского антизападничества, формально облеченного в одежды западной культуры. Шпенглер в равной мере отрицательно относился к наследию русских западников и русских славянофилов, в которых он видел идеологов панславизма. В панславизме он видел только «западную политическую маску чувства великой религиозной миссии» [12. С. 101].

Русский интеллигент, по мнению Шпенглера, как бы он свято ни верил в могущество и непогрешимость Запада, всегда остается антизападным нигилистом по существу. «Западный пролетарий стремится преобразовать цивилизацию Запада в своем духе; русский же интеллигент стремится ее уничтожить, большей частью вопреки своему знанию, которое составляет тонкую поверхностную оболочку его инстинктов. Таков смысл восточного нигилизма», – резюмирует он [11. С. 151].

Русская тема получила дальнейшее свое развитие у Шпенглера во втором томе «Заката Европы» (1922). Специфику исторического развития России Освальд Шпенглер объясняет через концепцию исторических псевдоморфоз, которая стала составной частью философии истории «Заката Европы». Историческая псевдоморфоза, по Шпенглеру, – это давление более «старой» культуры на «молодую», в результате которого «молодая» культура вынуждена формально заимствовать внешние формы «старой» культуры. Злым гением русской истории стал, по его мнению, Петр I, который своими преобразованиями сфальсифицировал примитивный московский царизм в чуждую России династическую форму правления и втиснул «примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия» [13. С. 197].

Шпенглер выделяет в новой, окрашенной псевдоморфозой истории России три фазы: «Около 1700 г. Петр Великий навязывает народу политическое барокко с его кабинетной дипломатией, династической политикой, управлением и войском по западному образцу. Около 1800 г. распространяются совершенно непонятные для этих людей английские идеи в трактовке французских писателей – для того, чтобы свести с ума головы тонкой верхней прослойки. И еще до 1900 г. книжные шуты преподнесли русской интеллигенции марксизм – в высшей степени сложный продукт западноевропейской диалектики, об основаниях которой они не имели ни малейшего понятия» [12. С. 99].

Реформы Петра были и остаются для русской души чем-то инородным. В действительности, как полагал Шпенглер, появились не одна Россия, а две: мнимая и настоящая, официальная и подпольная. Русскому мышлению дух западного рационализма в XVIII в. и материализма в XIX столетии так и остался недоступен и непонятен. Возник тип городского интеллигента, душевно и духовно опрошенного, опустошенного, развращенного Западной Европой вплоть до цинизма, который под видом русского нигилизма обрел свое карикатурное и опасное бытие среди городской «интеллигенции».

К основным тезисам культурно-исторической концепции Шпенглера принадлежит положение о том,

что каждой из исторических высших культур свойствен собственный прасимвол (Ursymbol): Пробуждение души культуры означает одновременное появление собственного способа пространственного охвата внешнего мира. У русской души также есть подобный прасимвол: это «бесконечная равнина», она «не находит пока твердого выражения как в религиозном, так и в архитектурном отношении» [13. С. 368], ибо, как полагал Шпенглер, русская культура пока стоит только в самом начале своего развития. Фаустовская культура «есть культура воли» [Там же. С. 489], основанная культе собственного «Я». «Русская безвольная душа, прасимволом которой предстает бесконечная равнина, самоотверженным служением и анонимно тщится затеряться в горизонтальном братском мире» [Там же].

Размышляя об истории России и ее будущем, Шпенглер отдает дань великой русской литературе, в которой, как полагал он, отразились все перипетии внутренней борьбы русского духа с самим собой. Главными выразителями этой борьбы были Толстой и Достоевский. «Толстой – это Русь прошлая, а Достоевский – будущая» [Там же. С. 199]. Толстой всем своим существом связан с Западом как великий выразитель духа петровских реформ. Достоевский же в своих религиозных поисках стал подлинным выразителем возрождающейся русской культуры страдания, терпения, благочестия. Шпенглер сравнивает Достоевского с первыми христианами и признает его святым. Толстой, как западник в душе, стал мастером изображения социального бытия, Достоевский – подлинный русский религиозный метафизик.

Большевизм, согласно Шпенглеру, есть наследие Толстого, а не Достоевского. Большевик – это «последнее следствие петровского духа» [Там же. С. 201]. В большевизме соединилось все, что принесла на «русскую почву» заимствованная и не правильно прочувствованная и понятая фаустовская культура: цивилизацию, прогресс, крупные города, доминирование социально-политических мотивов в обществе, интеллигенцию, грезившую о свободах и реформах. При этом Шпенглер отмечает, что большевики – это не весь русский народ и даже не часть его. Большевик – секта, отвергнутая самой же прозападной прослойкой русского общества, а поэтому негибкая в своем нигилизме и отрицании западных ценностей при их формальном декларировании.

Быстрая и в ее практических последствиях столь радикальная и решительная победа большевизма доказывала, по мнению Шпенглера, только искусственность предшествующего политического и социального порядка России. «Легкость, с которой большевик уничтожил в России четыре так называемых сословия Петровской эпохи (дворянство, купечество, мещанство и крестьянство), доказывает, что они были чистым подражанием и порождальцами административной практикой, которая была лишена всякой символики, – а последнюю силой не удушить» [13. С. 349].

Во втором томе «Заката Европы» Шпенглер также затрагивает сущность экономической жизни России через призму большевизма. В России, по его мнению, простираются два экономических мира: один – верх-

ний, чужой, проникший с Запада, к которому принадлежат западный и нерусский большевик; и другой – мир крестьянский, не ведающий городов, живущий в глубине бесконечной русской равнины и не желающий обмениваться своими непосредственными потребностями. Марксизм только терпел высшую экономическую жизнь петровской Руси, но ее не признавал. «Русский не борется с капиталом, нет: он его не постигает» [13. С. 528].

В феврале 1922 г. Шпенглер выступил перед узким кругом германских предпринимателей с докладом «Двойной лик России и немецкие восточные проблемы», в котором он не только суммировал свои представления о русской истории, но и попытался подвести некоторые итоги развития большевистской России. Он призвал аудиторию понять и осознать всемирно-историческое значение России, ее место среди великих старых культур Европы, Китая, Индии, исламской культуры. Взгляд на Россию с точки зрения западных социальных идеологий, чем грешат, по мнению Шпенглера, коммунистические и демократические западные функционеры, ошибочен. «В действительности, настоящий русский духовно нам очень чужд...», – констатирует он [14. С. 5].

Бесконечная русская равнина наложила отпечаток на характер русского народа. «Бесконечная равнина сделала гибкий народ покорным и тоскливым, духовно растекшимся по плоской дали, лишенным личной воли и склонным к подчинению, что явилось предпосылкой большой политики от Чингисхана до Ленина» [Там же. С. 6]. Появление у Шпенглера в 1922 г. Ленина в ряду политиков большого стиля русской истории не было случайным. К началу 20-х гг. он начинает воспринимать большевик в истории России как событие сродни петровским реформами. Современный большевик, в глазах философа, имел двойной смысл. С одной стороны, он уничтожил искусственную государственную и политическую систему, которая не опиралась на народ, но при этом сам остался частью старой системы. С другой – большевик освобождает дорогу новой, поднимающейся русской культуре. Уничтожение петровской системы марксизмом – ложный путь, так как, по мнению Шпенглера, привнесение на русскую почву очередной идеологии Запада беспочвенно. При этом он отмечает важнейшую роль русского крестьянства в революции 1917 года, прозорливо замечая, что большевики будут эксплуатировать крестьянство сильнее, чем монголы и царизм [Там же. С. 16].

Характеризуя экономическую жизнь большевистской России, Шпенглер говорит о том, что экономические связи между Западом и Россией сложны и не до конца понятны. Современные и будущие тенденции русской экономики, которая представляла собой государственный капитализм западного типа, необходимо отличать, по выражению Шпенглера, от «большевистской экономики» [Там же. С. 18]. Несмотря на то что большевистская Россия стремится копировать и подражать западным формам хозяйства, индустрия, предпринимательство, деньги, товарное производство и так далее остаются чуждыми русскому духу. Россия, с точки зрения западной экономики, представляет интерес только в качестве территории сбыта товаров.

В 1924 г. выходит крупная публицистическая работа Шпенглера «Воссоздание германского рейха». Рассуждая о международном положении Германии, Шпенглер затрагивает ситуацию в Советской России. В его оценке большевизма появляются новые нюансы. Во-первых, он признает, что Россия стала лидером Азии, ее судьба более неотделима от судьбы Азии. Во-вторых, делает своеобразное признание собственной ошибки в первоначальной оценке большевизма. Он пишет: «Перенеся свою столицу из Петербурга в Москву, Россия символизировала этот поворот в сторону от дела Петра Великого: тот хотел сформировать Россию как европейскую державу...» [15. С. 140]. Ключевую роль в этом повороте большевизма от овеянного западным влиянием политического движения к исконно русскому по духу, цели и задачам движению сыграл Ленин, который, в понимании Шпенглера, постепенно становился имперской фигурой. Хотя изначально ни Ленин, ни большевики, будучи феноменами западноевропейскими по своей сути, не осознавали скрытых возможностей идеологии большевизма как нового русского религиозного движения. Со смертью Ленина закончился романтический период русского большевизма, попытка примерить Европу и Азию.

К проблеме оценки большевизма и, соответственно, русской истории Шпенглер возвращается в начале 1930-х гг. В октябре 1932 г. в предисловии к «Политическим сочинениям» он пишет: «В 1922 г. большевизм был идентичен с Лениным. Со Сталиным пришло решающее изменение. Однако будет ли эта колоссальная масса народа медленно освобождена от духовной ограниченности западноевропейского коммунизма новыми властителями, или же освобождение придет посредством религиозного пробуждения крестьянства? – Таков вопрос сегодняшнего и завтрашнего дней» [12. S. VIII–IX].

В полной мере понимание и восприятие Шпенглера большевизма отразились в его последней значительной работе «Годы решений», вышедшей из печати в июле 1933 г., уже после прихода национал-социалистов к власти в Германии. Книга по праву считается одной из главных в интеллектуальном наследии Шпенглера, итогом его политических воззрений и продолжением культурно-исторических изысканий «Заката Европы». Шпенглер скорбит о разрушении старой Европы – Европы Меттерниха и Бисмарка, Европы династических национальных государств. Два вида опасностей угрожают Западу: «белая революция», под которой Шпенглер понимал безудержное господство рационализма, парламентаризма, демократии в общественном сознании, государственных и политических институтах Запада, «цветная революция» – восстание против Европы неевропейских народов.

Большевизм при таком подходе понимается им в новом свете, как главная составляющая борьбы Азии против Европы. Москва стала после 1917 г. решающим фактором для всего мира. С исторической точки зрения победа большевиков означает, по мнению Шпенглера, нечто иное для истории России, «Азия вновь овладела Россией», – утверждает он [16. С. 63]. Большевизм, рассматриваемый таким образом, теряет

свой изначальный «западный» характер и выступает теперь не в качестве новой формы псевдоморфоза русской истории, но как специфически «азиатский» феномен: Шпенглер отказывает большевистскому режиму называться государством в западном смысле этого слова, каким, по его мнению, при всех издержках была петровская Россия. Он сравнивает Советскую Россию с Золотой Ордой и определяет советскую форму власти как татарский абсолютизм, «от настоящего марксизма здесь очень мало – только названия и программы» [16. С. 64].

Шпенглер также задается вопросом: стоит ли воспринимать коммунистическую программу серьезно либо это только уловка правящего режима Советской России для подавления масс? Он считает, что если убрать коммунистическую терминологию, то в России господствует государственный капитализм. Шпенглер не приходит к окончательному ответу. Политическая система Советов искусственна «с ее западноевропейскими рационалистическими признаками, которые происходят из литературного подполья Петербурга» [Там же. С. 65]. И здесь философ делает гениальный ход, который заставляет нас вспомнить лучшие страницы «Заката Европы» и его культурно-исторические предвидения. Шпенглер проводит жесткую границу между двумя течениями русского большевизма: большевизма марксистского образца и националистического большевизма. Он пишет по этому поводу: «На смену Советской России пришла бы какая-нибудь другая Россия, а правящая орда, вероятно, была бы истреблена. Но в то же время был бы преодолён лишь большевизм марксистского стиля, а националистически-азиатский продолжал бы беспрепятственно расти до гигантских размеров» [Там же].

Таково было предвидение Шпенглера о сути русского большевизма, который, в его представлении, оказывается историческим феноменом с двойственной природой: «западный» и «восточный», европейский и азиатский, марксистский и деспотический; с одной стороны, подавляющий якобы нарождающуюся новую русско-сибирскую культуру, но с другой – поддерживающий ее. «В России в 1917 году одновременно разразились обе революции, белая и цветная» [16. С. 178]. Первая – революция городская, с западной верой в программы и партии, была осуществлена на закваске больших городов. «Однако снизу медленно, упорно, безмолвно с верой в будущее, началась другая революция мужика, деревни – подлинно азиатский большевизм» [Там же]. К началу 1930-х гг. эти две формы большевизма пришли в состояние резкого конфликта друг с другом, ибо азиатская сущность России гораздо сильнее ее поверхностной европеизации. «Россия – госпожа Азии. Россия и есть Азия» [Там же. С. 179]. К этому необходимо добавить то, что дальнейшая эволюция Советского государства во многом подтвердила пророчества Шпенглера.

Преломляя русскую историю через призму своей оригинальной культурно-исторической концепции циклического развития истории, Шпенглер сделал ряд интересных наблюдений о происхождении и генезисе русского большевизма, которые не утратили своей актуальности в контексте приближающего столетия

Октябрьской революции. Рассматривая изначально русский большевизм как продукт западной фаустовской культуры, чуждый исконно русско-азиатскому миропониманию, Шпенглер в итоге признал наличие в нем почвенническо-националистических тенденций,

которые рано или поздно должны были, по его мнению, одержать вверх над западным марксизмом в его рядах. И сам большевизм оказался воспринят русским народом и сплавился с первоначальными социальными институтами России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2011.
2. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск, 2011.
3. Женин И.А. «Октябрь» в контексте консервативной революции в Германии // Горбачевские чтения. М. : Горбачев-Фонд, 2008. Вып. 6. С. 66–73.
4. Женин И.А. Восприятие России консервативными интеллектуалами Германии (1919–1933 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
5. Kocktanek A.M. Oswald Spengler und seiner Zeit. München : Beck, 1968.
6. Ulmen G.L. Metaphysik des Morgenlandes: Spengler über Rußland // Spengler heute. Sechs Essays / Mit einem Vorwort von Hermann Lübke. Hrsg. von Peter Christian Ludz. München : Beck, 1980. S. 123–173.
7. Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München : Beck, 1988.
8. Афанасьев В.В. Либеральное и консервативное // О. Шпенглер. Политические произведения. М. : Канон+РОИИ; Реабилитация, 2009. С. 223–526.
9. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 1 : Кризис историзма. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1993.
11. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М. : Праксис, 2002.
12. Spengler O. Politische Schriften. München : Beck, 1933.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М. : Мысль, 1998.
14. Шпенглер О. Двойной лик России и немецкие восточные проблемы // О. Шпенглер. Политические произведения. М. : Канон+РОИИ Реабилитация, 2009. С. 5–20.
15. Шпенглер О. Воссоздание германского рейха. СПб. : Владимир Даль, 2015.
16. Шпенглер О. Годы решений. М. : Скимень, 2006.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 марта 2017 г.

BOLSHEVISM IN OSWALD SPENGLER'S CULTURAL AND HISTORICAL CONCEPT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 163–168.

DOI: 10.17223/15617793/417/23

Oleg E. Terekhov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terekhov1968@mail.ru

Keywords: Oswald Spengler; Bolshevism; cultural and historical concept.

The paper considers the views of the prominent German history philosopher and culturologist Oswald Spengler on the emergence, genesis and essence of Russian Bolshevism in the context of his cultural and historical concept. The author aims to analyze the evolution of Spengler's perception of Bolshevism as a phenomenon of the Russian and world history. The paper is based on Spengler's works, where he repeatedly referred to the Russian history and Bolshevism. The author notes that the ideologists of the German "Conservative Revolution" showed considerable interest in the Bolshevism experiment in Russia, Spengler's views being the most comprehensive. His principle ideas about Russian Bolshevism are expressed in his works of the late 1910s – early 1920s: *The Decline of the West* and *Prussianism and Socialism*. The issue of Russian Bolshevism was interesting for Spengler in two ways: firstly, in the context of the history of Russia, to which Spengler attributed an important place in the world history. Secondly, as the most prominent ideologist of "Prussian socialism", Spengler repudiated Marxist socialism, to which he attributed Russian Bolshevism. Speaking of Bolshevism as a phenomenon of the Russian and world history, Spengler claimed that it emerged from Russian culture, which was initially alien to the Faustian culture of the West and rejected the very essence of the Western rationality type. Spengler argued that along with Peter I's reforms Bolshevism became the second attempt of "Westernization of the Russian history". Yet, according to Spengler, despite having emerged from the western influence on Russian culture, Russian Bolshevism showed all the generic features of the latter: the religious struggle of the Russian soul, the Tatar despotism, and the unbridgeable gap between the upper layer of the society and the people (the peasants). Despite the influence of the Marxist ideology on the Russian Bolsheviks, for practical reasons they started transforming it according to the traditions of Russian culture. Spengler also made a paradoxical conclusion about the economic structure of Soviet Russia. Bolshevism tended to imitate and copy the western forms of economy, but implemented them according to the Russian-Asian traditions of the despotic state. In Spengler's works of the early 1930s he called Russia the "Mistress" of Asia. Thus, Spengler understood Bolshevism in a new way, as a component of the struggle of "Asia" against "Europe". The author of the paper concludes that Spengler's original understanding of the essence of Russian Bolshevism lay in acknowledging its dual character, which was expressed in the synthesis of the ideas of the Western Faustian culture and the Russian-Asian worldview.

REFERENCES

1. Terekhov, O.E. (2011) *Fenomen "konservativnoy revolyutsii" v Veymarskoy respublike v istoriografii FRG: osnovnye kontseptsii i problemy interpretatsii* [The phenomenon of the "conservative revolution" in the Weimar Republic in the historiography of Germany: the basic concepts and problems of interpretation]. Kemerovo: Kemerovo State University.
2. Artamoshin, S.V. (2011) *Ponyatiya i pozitsii konservativnoy revolyutsii: intellektual'noye techenie "konservativnoy revolyutsii" v politicheskoy zhizni Veymarskoy respubliky* [Concepts and positions of the Conservative Revolution: the intellectual course of the "conservative revolution" in the political life of the Weimar Republic]. Bryansk: Bryansk State University.
3. Zhenin, I.A. (2008) "Oktyabr" v kontekste konservativnoy revolyutsii v Germanii ["October" in the Context of the Conservative Revolution in Germany]. *Gorbachevskie chteniya*. 6. pp. 66–73.

4. Zhenin, I.A. (2010) *Vospriyatie Rossii konservativnymi intellektualami Germanii (1919–1933 gg.)* [Perception of Russia by conservative intellectuals of Germany (1919–1933)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
5. Kocktanek, A.M. (1968) *Oswald Spengler und seiner Zeit* [Oswald Spengler and his time]. Munich: Beck.
6. Ulmen, G.L. (1980) *Metaphysik des Morgenlandes: Spengler über Rußland* [Metaphysics of the Orient: Spengler over Russia]. In: Ludz, P.C. (ed.) *Spengler heute. Sechs Essays* [Spengler today. Six essays]. Munich: Beck.
7. Felken, D. (1988) *Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur* [Oswald Spengler: Conservative thinker between imperialism and dictatorship]. Munich: Beck.
8. Afanas'ev, V.V. (2009) *Liberal'noe i konservativnoe* [The liberal and the conservative]. In: Shpengler, O. *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Translated from German. Moscow: Kanon+ROII; Reabilitatsiya.
9. Mogil'nitskiy, B.G. (2001) *Istoriya istoricheskoy mysli XX veka: Kurs lektsiy* [History of the historical thought of the 20th century: lectures]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
10. Shpengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Mysl'.
11. Shpengler, O. (2002) *Prussachestvo i sotsializm* [Prussianism and Socialism]. Translated from German. Moscow: Praxis.
12. Spengler, O. (1933) *Politische Schriften* [Political works]. Munich: Beck.
13. Shpengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.
14. Shpengler, O. (2009) In: Shpengler, O. *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Translated from German. Moscow: Kanon+ROII; Reabilitatsiya. pp. 5–20.
15. Shpengler, O. (2015) *Vossozhdanie germanskogo reykhha* [Recreation of the German Reich]. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
16. Shpengler, O. (2006) *Gody resheniy* [The Hour of Decision]. Translated from German. Moscow: Skimen'.

Received: 14 March 2017